

Узденова Фатима Таулановна

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЧЕЛОВЕКА В БАЛКАРСКОЙ ПОЭЗИИ

В статье рассмотрены особенности художественного осмысления поэтами проблемы человека (личности), духовно-нравственных интенций как базовой части этносознания народа, специфики преломления их в поэзии. Исследование феномена человека осуществляется преимущественно с позиции освоения действительности, определения места и роли в социуме, процессов глобализации и идентификации. Произведения балкарских поэтов отражают главным образом мировосприятие человека, его ассоциативный ареал. Гносеологичность и философизм остаются приоритетными средствами в решении означенной проблемы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/11-2/46.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 11(53): в 3-х ч. Ч. II. С. 175-178. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

**THE SEMANTIC COLLOCABILITY OF THE WORDS “PARENTS”, “FATHER”, “MOTHER”
ON INTERNET FORUMS ON FAMILY PROBLEMS**

Trushchinskaya Aleksandra Sergeevna, Ph. D. in Philology
Voronezh State Pedagogical University
clef7@rambler.ru

In the article by the material of the sample from the English-speaking forums on family problems the author considers the collocability of the lexemes “parents”, “father”, “mother” used in the function of subject with a specific type of predicate and identifies the typical semantic features of lexical content of predicate. The correlation between positive and negative connotation in the words combining with lexemes “parents”, “father”, “mother” within the framework of predicate or its expansion is analyzed.

Key words and phrases: syntagmatic relations; semantic collocability; semantic feature; positive / negative connotation; worldview.

УДК 82.-1:82.1(470.6)

Филологические науки

В статье рассмотрены особенности художественного осмысления поэтами проблемы человека (личности), духовно-нравственных интенций как базовой части этносознания народа, специфики преломления их в поэзии. Исследование феномена человека осуществляется преимущественно с позиции освоения действительности, определения места и роли в социуме, процессов глобализации и идентификации. Произведения балкарских поэтов отражают главным образом мировосприятие человека, его ассоциативный ареал. Гносеологичность и философия остаются приоритетными средствами в решении означенной проблемы.

Ключевые слова и фразы: концепция человека; балкарская поэзия; национальная картина мира; антропоцентризм; философия; этносознание.

Узденова Фатима Таулановна, к. филол. н.

*Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра
Российской академии наук (КБИГИ)*
kbigi@mail.ru

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЧЕЛОВЕКА В БАЛКАРСКОЙ ПОЭЗИИ[©]

Изучение на современном этапе основных тенденций развития национальных литератур, в частности северокавказского региона, их этнической базы, процессов взаимодействия и взаимовлияния актуализирует проблему осмысления фундаментальных закономерностей литературного развития, создает предпосылки для появления адекватной стратегии в формировании эстетического мышления, адаптированного к современности (характеризующейся динамичностью глобализационных процессов) и в то же время сохраняющего национальную специфику. Для решения означенной проблемы представляется целесообразным рассмотрение феномена человека, преимущественно в духовной и социальной ипостасях, с позиции соотнесенности «человек и природа», «человек и родина», «человек и история», «человек и общество». Произведения отражают главным образом мировосприятие человека, его ассоциативный ареал, способы самовыражения.

В поэме «Жер» («Земля») А. Созаева натуралистическая линия проявляется в осмыслении связи: человек – природа – космос. Человек – определяющее земли, равно как вода, солнце, камни, тропы. Но ему нет жизни без нее («Жерсиз адамгъа жашау жокъ» [10, с. 195] / «Без земли человеку нет жизни»). Грандиозность и в то же время тонкость замысла распространяются на все изображаемые в поэме объекты. Так, строительство дома приравнивается к сотворению мира. Широкое использование художественно-изобразительных средств – метафор, эпитетов, олицетворений («Кюн жерни журегиди» [Там же] / «Солнце – сердце земли», «Жерни бир тамырларынды – кюнню сютю» [Там же] / «В корнях земли – молоко солнца») насыщает поэму эмоционально-лирическим подтекстом, создавая иллюзию всеочеловечивания природы, гармонии и синтеза противоборствующих начал.

Эстетизация объектов природы – часто используемый прием в творчестве национальных авторов. Воспроизводимость посредством информационных связей этноса базисных представлений (воплощенных в этносимволе, традиционных концептах, детерминированных связкой «человек – природа») обеспечивает его идентичность и стабильные, константные структуры, позволяющие сформировать представление об особенностях национального сознания и мироощущения. В этом смысле «кавказский эпос» А. Байзуллаева представлен концептуальной триадой: снег = скала = зола. В центре – *судьба* – «как светлого намек» – соизмерима с горным цветком (стих. «Эдельвейс»):

У вечных льдов, целуя тучи,
цветок сорву я голубой
и радостно на снежных кручах
сравню его с моей судьбой [2, с. 156].

У карачаевской поэтессы Х. Байрамуковой ассоциативное поле вбирает все «оттенки» вселенской мозаики, преломляя и утверждая в сознании антропоцентрическое начало: «Я в этом мире – / Мир громадный, / Скрещение равнин и гор...» [3, с. 24].

«Человек вырастает из природы и в нее возвращается, значит, он могучий хозяин земного шара, он находится в центре Вселенной», – писал в свое время Э. Межелайтис [Цит. по: 1, с. 58]. Чувство сопричастности к всеобщему обнаруживается у самых разных поэтов; естественно, эмпирическая основа этого чувства – любовь к своей родной земле: бурным рекам в темных ущельях, дышащим уютom и теплом саклям, снежным вершинам древних гор (Р. Гамзатов. Стих. «Двадцатый век сурово хмурит брови...»). Или вспомним К. Кулиева: «Ты – отчий дом, Чегем родимый, / И ты исток моей реки, / Той жизни, что до слез любима, / Слезам и бедам вопреки» [7, с. 331].

«Человек и малая родина – тема многогранная... – пишет Р. Фидарова, исследователь творчества известного осетинского поэта Г. Д. Плиева. – Для него (*Плиева – Ф. У.*) родной очаг – это святыня, как и мать, которая дала ему жизнь и воспитала его. Стихи, собранные в сборник под названием «Огонь очага», – о любви поэта, о том, что все дороги в *мир* (*выделено нами – Ф. У.*) ведут из родного дома...» [14, с. 203].

Возросшие сегодня возможности художественно-ассоциативного воспроизведения реалий бытия предоставили простор новому философско-концептуальному осмыслению частных «мотивов» и их трансформации в объемно-синтетические дефиниции выраженной социальной направленности. Характерна в этом отношении поэтическая трактовка таких проблем, как «человек и общество», «народ и история», «история и современность». Переосмыслить прошлое своего народа с позиций современности, «понять связь времен, взглянуть на культуру прошлого и настоящего как на сложный, непрерывный, подчас противоречивый процесс освоения мира – вот важнейшая функция науки, литературы и искусства» [4, с. 22], – отмечал Г. Гамзатов. Эту задачу решает современная поэзия, свободная от политдиктата, ангажированности. В эпоху духовной активности народов она ориентирована главным образом на «единство идеологического и художественного уровней» [12, с. 260], с использованием в полной мере духовных ценностей, накопленных в предшествующие годы; обращение к человеку, его внутреннему миру, глубина и значительность «раздумий» над событиями прошлого, гносеологичность и психологизм остаются приоритетными средствами в решении проблем, связанных с концептуализацией представлений о человеке.

Лирико-философская поэма С. Мусукаевой «Алма-Атада чагдадыла алмала» («Зацвели яблони в Алма-Ате») – произведение с большой психоэмоциональной нагрузкой. Две страшные трагедии вобрала судьба героини Фатимат – войну 1941-1945 гг. и выселение, унесшие жизни ее супруга и четырех сыновей. Сквозная мысль – нереализованные мечты, связанные с возвращением на историческую родину.

Желание погасло, как звезда
На ясном небосклоне.
Превратившись в туман, распластавшись на камне у порога,
Обратив к своему горю гору и холмы
(подстр. перевод здесь и далее – Ф. У.) [8, с. 286].

Смысловую полифонию в поэме создает «разложение» лирического «голоса» на воспоминания, сновидения, ожидания. Афористически метко поэтесса выражает подлинное состояние героини в моменты смятения и тревоги:

То, что в памяти остается, – незаживающая рана...
То, что в памяти, – непрощенная обида [Там же, с. 277].

В мыслях Фатимат – тоска по родине. Снами и воспоминаниями жива ее душа, исполненная радости и отчаяния. На весы положены сердце родной Балкарии, оставшееся там, у подножия великого Эльбруса, и благословенная цветущая Алма-Ата. Радужным мостом (*связующее* между Минги-Тау и Ала-Тау) объяты эти две составляющие понятия «родина».

В Алма-Ате поспевают яблоки,
Вокруг полно цветов.
На Эльбрусе тают туманы
И становится ясным небо [Там же, с. 293].

Следует отметить, что тема раздвоенности чувства – безграничной любви к своей исторической родине (влекущая сердцем естественная потребность в воссоединении с нею) и степным просторам, не менее полюбившимся за столь длительное сосуществование – находит выражение в основном в творчестве поэтов, которых условно, по определению литературоведов, называют «детьми репрессированных родителей». В их числе и автор этой поэмы. Многие из «детей» остались там, прикипев к земле, которая и стала для них родиной, ибо другой они не знали, не успели узнать или были слишком малы, чтобы помнить. Вернуться на вотчину для них – значит отправиться в... неизвестность [13, с. 61].

Без преувеличения можно сказать, что поэма С. Мусукаевой – новый неординарный подход к изображению исторической действительности: через призму мыслительной деятельности героини показано внутреннее эмоционально-психологическое состояние человека, ввергнутого в отчаяние, сопряженное с трагической двойственностью души. Наполнение фактическим материалом подчинено целям ретроспективного воссоздания той действительности, которая являет истинный покой и ощущение полноты бытия. А это – исконная земля, родина. В образе Фатимат черты сотен горянок, унаследовавших горечь разлуки, порывы тех, кто не в состоянии превозмочь боль сердца и «зов» земли предков. «Факт преломления истории в художественной литературе, – по справедливому утверждению исследователя адыгской литературы И. Кажаровой, – выходит за пределы темы, сюжета, образа» [6, с. 4], что объясняет выбор автором поэмы тональности произведения и средств ее реализации. «Соотношение “человек – история” – составляющая художественной концепции человека в поэзии и, шире, – философской проблемы самоопределения человека, история же выступает своеобразным “подспорьем” этого самоопределения» [Там же, с. 8]. А порой, как в нашем случае, и движущей силой аналитической активности индивида. Трагический факт истории народа выступает катализатором к самоопределению героини.

В контексте сказанного философизм – бесспорно доминантная особенность современной национальной поэзии. «Куда несет нас рок событий?» – есенинский вопрос все чаще захватывает мысли: ход времени, ход истории неумолим. За плечами – трагический опыт 1944-1956 гг. (депортация народа в степи Казахстана и Киргизии), щемящая боль за погибших на полях сражений в Великую Отечественную войну. Наяву – беспрецедентность и произвол.

Не вложит мир никак в покои ножен
Клинок своих тревог... В тумане цвета
Изношенного старого бешмета
И дни мои, и ночи... Мир тревожен [5, с. 48].

Кажущееся на первый взгляд робким, растерянным чувство лирического героя обнаруживает в себе глубокое понимание образа мыслей и души человеческой. Человеку не чуждо ничто человеческое. Он может быть взволнован, пребывать в замешательстве и сомнениях перед бездной неопределенности, вправе надеяться и жить. Стремление к самоидентификации (либо – этноидентификации) в данном случае отступает на второй план, «вовлекаясь» в поток общечеловеческой (глобализированной) сенсорики. Акцентирование в том или ином субъекте, прежде всего, его человеческой природы позволяет структурировать антропологические представления, отразить способы их бытования в художественном тексте. (Например, в качестве предмета высказывания лирического субъекта: «Горделивые, беспечные горцы / Живем, / Не смея выбраться из-под собственных ног» [11, с. 58], стих. М. Табаксоева «Уллу келлю таулула» – «Самонадеянные горцы».)

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о характере (преимущественно национальном) балкарской поэзии, в основе которого – этногенетическая память, сохранившая отголоски древнейшей обрядово-культурной жизни народа. Вместе с тем, и это явственно проступает во многих произведениях, «активизируется» антропоцентрическое начало («Мысль о человеке как абсолютном ценностном центре, по отношению к которому не только наделяется определенностью время и пространство художественного текста, но и вообще происходит “упорядочение смысла” архитектурного целого, высказана М. Бахтиным в программной работе “Автор и герой в эстетической деятельности”» [9, с. 4]), что свидетельствует о возможности сосуществования двух типов мышления: традиционного, основанного на космогонических представлениях народа, и второго, согласно которому лирический герой – центр мироздания. (Подобная синхронность обнаруживается и в творчестве большинства современных авторов различных регионов страны.) Концепция человека задается главным образом в плоскости личностного (проблема внутреннего самоопределения) – социального – природного, что позволяет сформировать целостное представление о национальной литературе, специфике осмысления индивидом этико-эстетических нормалей, аргументировать выбор форм и методов реализации аксиологических установок.

Список литературы

1. Александров В. П. Твоя союзница, учитель. М.: Просвещение, 1989. 188 с.
2. Байзуллаев А. Л. Избранные произведения. Нальчик: Эльбрус, 2000. 402 с.
3. Байрамукова Х. Б. Дым очага. Черкесск: Ставроп. кн. изд-во, 1968. 79 с.
4. Гамзатов Г. Г. Дагестанский феномен возрождения XVIII-XIX вв. Махачкала: ДНЦ РАН, 2000. 321 с.
5. Гуртуев С. С. Шесть писем совести: стихи, поэмы. М.: Сов. писатель, 1990. 176 с.
6. Кажарова И. А. Человек и история в адыгской поэзии 1970-1990-х гг. (художественно-философский аспект). Нальчик: Изд-во КБИГИ, 2009. 106 с.
7. Кулиев К. К. Собрание сочинений: в 3-х т. М.: Худож. лит., 1987. Т. 2. Стихотворения, поэмы. 339 с.
8. Мусукаева С. А. Встречай меня: стихи и поэма / на балк. яз. Нальчик: Эльбрус, 2001. 304 с.
9. Подрезова Н. Н. Концепция человека в поэзии О. Седаковой (антропологический аспект) [Электронный ресурс]: автореф. дисс. ... к. филол. н. Иркутск, 2003. 21 с. URL: <http://cheloveknauka.com/> (дата обращения: 29.07.2015).
10. Созаев А. С. Даст бог: стихи, поэма, рассказ / на балк. яз. Нальчик: Эльбрус, 1995. 224 с.
11. Табаксоев М. Х. Игра с колесом: стихи и поэма / на балк. яз. Нальчик: Эльбрус, 1995. 254 с.
12. Толгуров З. Х. В контексте духовной общности. Нальчик: Эльбрус, 1991. 286 с.
13. Узденова Ф. Т. Современная балкарская поэма: тенденции развития // Вопросы кавказской филологии. Нальчик: КБИГИ, 2006. Вып. 6. С. 54-69.
14. Фидарова Р. Я., Кайтова И. А. Особенности художественного мироощущения Г. Плиева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 8. Ч. 2. С. 203-206.

ARTISTIC CONCEPT OF A HUMAN IN THE BALKAR POETRY

Uzdenova Fatima Taulanovna, Ph. D. in Philology

*Institute of Humanities Researches of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
kbigi@mail.ru*

The article examines the peculiarities of artistic interpretation of a human (personality) problem by the poets, spiritual and moral intentions as a basic component of a national ethno-consciousness, specifics of their representation in the poetry. The study of a human phenomenon is implemented mostly from the viewpoint of adopting the reality, identifying the place and role in the society, globalization and identification processes. The Balkar poets' works represent basically the worldview of a human, his associative area. Gnosiological nature and philosophism remain to be the priority means to solve the mentioned problem.

Key words and phrases: conception of a human; Balkar poetry; national picture of the world; anthropocentrism; philosophism; ethno-consciousness.

УДК 80

Филологические науки

Статья посвящена выявлению соотношения когнитивного и прагматического факторов в языковом освоении мира растений и определению роли прагматики как стратегии именования единиц флоры в карачаево-балкарском и русском языках. В ней представлены обобщенные когнитивные структуры, а также конкретные модели их реализации, основанные на прагматических стратегиях, обуславливающих мотивацию номинаций флоры.

Ключевые слова и фразы: карачаево-балкарский язык; номинации флоры; стратегия номинации; когнитивная стратегия; прагматическая стратегия; оценка.

Хапаева Лилия Владимировна*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова
bryakhin@yandex.ru***К ВОПРОСУ О ПРАГМАТИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЯХ ИМЕНОВАНИЯ ФЛОРЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)[©]**

В лингвистической литературе неоднократно указывалось на то, что языковая картина мира является отражением репрезентируемых в языке представлений о мире [1-3; 10]. Формируясь веками, языковая картина мира синтезировала результаты познавательной и классифицирующей деятельности человека, а также особенности материального и духовного опыта народа. Поэтому языковая картина мира в целом и отдельные её фрагменты в частности совмещают когнитивные, семантические, прагматические, этноспецифические компоненты. Однако на разных этапах развития лингвистики это синтезированное «языковое знание» изучалось с разных сторон: на пике актуальности оказывались то системные, то семантические, то когнитивные, то этноспецифические аспекты картины мира. Кроме того, в зависимости от исследовательских целей авторов актуализировался один определенный аспект.

Между тем, изучение соотношения в языковых единицах различных компонентов, выступающих в качестве факторов формирования целостного языкового значения, относится к числу *актуальных* и приоритетных проблем современной лингвистики.

В связи с этим целью статьи является выявление соотношения когнитивного и прагматического факторов в языковом освоении одного из существенных фрагментов картины мира – флоры – и определение роли прагматики в качестве номинативной стратегии, а значит и мотивационной основы единиц флоры в карачаево-балкарском и русском языках.

С актуализацией антропоцентрического принципа в современной лингвистике особое внимание стало уделяться роли человека в лингвистическом освоении окружающей действительности. Сама природа языковой номинации как акта наречения имени объектам действительности связана с человеком. Поэтому в наименованиях растений находят отражение не только онтологические характеристики единиц флоры, но и когнитивные, связанные с познавательной, классифицирующей и оценочной деятельностью человека, с его архетипическими представлениями о мире растений. То есть, номинативная деятельность человека при создании различных типов наименований флоры обуславливается когнитивными и прагматическими стратегиями, которые в свою очередь определяют мотивационный признак растения, составляющий основу номинации.

Под когнитивными стратегиями мы понимаем «общие номинативные стратегии, связанные с выбором опорных признаков, получающих предпочтительное выражение при обозначении сущностей той или иной природы и проявляющиеся в языке в сложной практике формирования стандартных средств их лексической и фразовой номинации» [11]. Стратегии номинации флоры могут быть связаны с актуализацией онтологических признаков.